

**О некоторых дискуссионных проблемах
Великой русской революции 1917 года.**

Приближающийся юбилей революции вполне естественно вызывает повышенный интерес к проблемам, связанным с подготовкой и осуществлением революционных потрясений, пережитых страной в 1917 году. Исследователи все чаще отказываются от традиционных представлений, выработанных советской исторической наукой. Не меньше нареканий вызывают и отдельные наблюдения зарубежных коллег, представленных в работах 20-х – 80 гг. XX века.

Трудно не заметить, что и постсоветская отечественная и зарубежная историография также содержит ряд постулатов, далеких от всеобщего признания. Все чаще в ходе проводимых научных конференций и симпозиумов, круглых столов и дискуссионных клубов высказываются пожелания внести уточнения в осмысление основополагающих фактов, связанных с предреволюционными и революционными событиями.

Проблема периодизации революции неожиданно приобрела трансформации, логически труднообъяснимые. В конце 80-х гг. прошлого века по инициативе английских издателей началась подготовка «Критического словаря русской революции». В написании этого объемного энциклопедического издания приняли участие ученые США, Великобритании, Германии, Франции, России, ряда других стран. Хронологические рамки изучаемого явления издатели заключили в период 1914-1922 гг. Авторы опубликованных в книге статей доказывали необходимость расширения хронологических рамок тем, что назревание новой революционной ситуации было вызвано в России начавшейся Первой мировой войной, с одной стороны, а завершение революционных преобразований приходится на конец

1922 г., когда советская система приобрела свой завершённый вид в ходе образования союза независимых государств – СССР. Период же с февраля по октябрь 1917 г., по мнению составителей, являл собой квинтэссенцию революционных потрясений.

В 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялся международный научный colloquium, участники которого также сочли возможным расширить хронологические рамки второй русской революции периодом с 1914 по 1921 гг. Мотивация подобного подхода во многом совпадала с доводами, приводимыми авторским коллективом «Критического словаря русской революции».

Отметить, что подобный подход к периодизации второй русской революции порождает ряд вопросов. Прежде всего, явилось ли начало войны той точкой, от которой следует вести отсчет зарождению новой революционной ситуации? Если да, то как быть с волной патриотических настроений, охвативших Россию летом-осенью 1914 г.? Может быть стоит отнести начало нового революционного подъема к моменту образования Прогрессивного блока Государственной думы летом 1915 г.? Именно в это время наблюдается активизация деятельности политических партий не только социалистического, но и либерального толка с их открытым выражением недовольства деятельностью и царской камарильи, и кабинета министров, и военной элиты российского государства.

С другой стороны, как в этой ситуации реагировать на оценку лидером партии кадетов П. Н. Милюковым революционных перспектив, данную им 30 января 1917 г. в ответ на вопрос корреспондента шведской «Тагес Бладен» «не кажется ли Вам, что в России возможно повторение событий 1905 г.»? Павел Николаевич уверенно заявил, что в ближайшей перспективе революционных потрясений Россия не ждет».

Пройдет менее месяца и Милюков станет министром иностранных дел в первом составе Временного правительства, созданного «частным совещанием» ряда депутатов Государственной думы, породивших знаменитый сегодня ВКГД. Они же во многом способствовали уходу с политической сцены последнего русского монарха.

Необходимость пересмотра периодизации второй русской революции обусловлена и тем, что задолго до 23 февраля 1917 г. столица российской империи столкнулась с общественным неповиновением, зародившемся не на рабочих окраинах, а в кварталах обитания столичной знати, государственных чиновников, петроградской интеллигенции. Уже в 20-х числах января 1917 г. в Петроградскую городскую думу стали поступать донесения о «беспорядках» на Невском и прилегающих к нему улицах, участники которых открыто выражали недовольство отсутствием в магазинах предметов первой необходимости: растительного масла, соли, ржаного хлеба, сахара, мыла. Постепенно, к середине февраля 1917 г. недовольство перекинулось в рабочие районы и приобрело угрожающий устоям государства характер. На 23-25 февраля пришелся пик выступлений, приведший к столкновению их участников с полицией и жандармами, получивших прямое указание руководства «прекратить смуту».

Итак, еще одно предложение – отнести начало революционных событий в Петрограде к 20-м числам января 1917 г.

Вместе с тем, многие современные исследователи по-прежнему считают возможным отнести завершение революционных событий к периоду 25 октября 1917 г. – 6 января 1918 г. Представляется логичным, что с роспуском Всероссийского Учредительного собрания проблема отказа от крепнущей власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была решена раз-навсегда. Вполне возможно считать точкой завершения революционных потрясений 1917 года 10-18 января 1918 г. – время работы III Всероссийского съезда Советов, принявшего Декларацию трудящегося и эксплуатируемого народа, ставшую прообразом первой советской Конституции, законодательно обретшей силу на V Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Дискуссионной представляется и проблема роли Государственной думы в революционных событиях февраля-марта 1917 г. Все чаще говорится о

необходимости признать именно Государственную дума эпицентром, оказывавшим решающее влияние на действия масс и, прежде всего, вооруженного отряда революции – солдат Петроградского гарнизона. Значительный вклад в укоренении подобного постулата вносят известные петербургские историки А. Б. Николаев и С. В. Куликов. Широко известные в научных кругах публикации этих авторов вызвали в научном сообществе реакцию согласия, либо полусогласия с приводимыми аргументами. В частности, опубликованная А. Б. Николаевым стенограмма заседаний Временного комитета Государственной думы стала фундаментом, на котором базируется авторский вывод о верховенстве думцев в революционном процессе первых месяцев его развития. Думцы проводят аресты царских министров, они же готовят манифест царского отречения, они же ведут активную агитацию и пропаганду не только среди жителей российской столицы, но и на фронте, и в далеком тылу. Авторская концепция настолько убедительно, что забываешь о том, что ВКГД объединил лишь незначительную часть депутатов IV Государственной думы. Большинство же депутатов законопослушно прекратили свою деятельность после царского рескрипта о приостановке заседаний Думы и «разъехались» по местам.

Возникает закономерный вопрос: почему революционеры-разрушители из ВКГД не приняли прежде всего постановления о возобновлении заседаний Думы, поддержку которой открыто выражали не только рабочие столицы и солдаты Петроградского гарнизона, но и подавляющая масса тех, кого в советской историографии принято было именовать «средними городскими слоями». Приняв решение об образовании Временного правительства, ВКГД бесспорно оставил незаполненной законодательную ветвь государственной власти. Напомним, что основная цель, которую ставило перед собой подавляющее большинство депутатов IV Государственной думы, заключалась в ее утверждении как единственного законодательного органа российского государства. Временное правительство, не без участия

господ из ВКГД, торжественно обещало возобновить работу Государственной думы в ближайшее время, после «водворения порядка и общественного успокоения». Обещание так и осталось неисполненным.

Дискуссионным представляется и получающая в последнее время поддержку отечественных и зарубежных специалистов теория складывания уже в первые революционные дни 1917 года так называемого «правительственно-советского блока». Одновременность процесса создания Временного правительства и Петроградского Совета объясняется тем, что в состав ВКГД входили депутаты не только от либеральных буржуазных, но и «народных» социалистических партий, прежде всего, меньшевиков и эсеров.

Спорить сложно. Действительно, 27-28 февраля 1917 г. происходит оформление как первого состава Временного правительства, так и Петроградского Совета рабочих депутатов. Колоритная фигура А. Ф. Керенского незримой ниточкой связывает обе инстанции. Во Временном правительстве Александр Федорович – министр юстиции, в Петроградском Совете – заместитель председателя.

Однако стоит напомнить и еще одну «должность» А. Ф. Керенского: он был центральной фигурой в масонской ложе «Великий Восток народов России». «Вольными каменщиками» являлись многие члены первого состава Временного правительства и Исполнительного комитета Петроградского Совета. Об этом известно из работ Н. Берберовой, В. И. Старцева, ряда других отечественных и зарубежных исследователей.

Роль масонов во второй русской революции также весьма спорна. Известный петербургский историк Р. Ш. Ганелин часто повторял: «Забудьте о масонах. Они – миф». Может быть и так. Однако, уже в 1917 г. глава французской масонской ложи «Великий Восток» Марсель Семба, будучи депутатом Национального собрания Французской республики и одним из ярчайших политиков своего времени (не даром его имя сегодня носит станция парижского метро на 14 линии) открыто признавал существование «тесных связей» и партнерства с русскими каменщиками. Направленный

решением Национального собрания в революционный Петроград министр вооружений Французской республики Альбер Тома также представлял интересы «Великого Востока». Его главным русским собеседником и товарищем почти два месяца являлся А. Ф. Керенский. Вряд ли подобный факт можно назвать случайным.

Заметим, что многодневное общение А. Тома с А. Ф. Керенским имело для последнего не самые лучшие последствия. Если в первых телеграммах, направляемых А. Тома из Петрограда в Париж, сквозит восторг и преклонение перед «русским Маратом», то уже в начале июня 1917 г. в телеграмме министру иностранных дел Франции А. Рибо А. Тома с сожалением констатирует: «он (Керенский) все больше и больше напоминает мне нашего Кавеньяка». Не самая лучшая рекомендация.

Пример еще одной дискуссионной проблемы – знаменитые «немецкие деньги», на которые большевики привезли своего вождя в Россию через вражескую Германию, а позднее – совершили свою «большевистскую революцию». Даже нынешнее поколение исследователей по данному вопросу расколото. Странно, но автор двух известных и популярных в России и за рубежом книг о «немецком золоте» - Г. Л. Соболев вынуждено замечает: точку в этом вопросе ставить рано; будущее поколение исследователей еще может обнаружить доказательства, нам еще не ведомые». В то же время, не только Г. Л. Соболев, но и другие исследователи сходятся в одном: приводимые в прошлом и настоящем аргументы не выдерживают критики и не могут служить опорой для доказательства «продажности» большевиков германским банкирам.

Кстати, о «немецких деньгах» для большевиков говорил, выступая на заседании Национального собрания Франции, уже упомянутый Марсель Семба. Не отрицая самой подобной возможности (передаче немецких денег большевикам), Семба спрашивал у своих коллег: «Почему Франция не давала денег большевикам или их оппонентам? Что мешало ей купить тех, кто готов был отстаивать интересы союзников?»

Вернувшись *ab ovo* к предмету дискуссионности, назовем еще одну проблему: признание *de jure* Временного правительства. Казалось бы, что нового можно сказать по этому поводу? «История дипломатии», «История внешней политики СССР», даже многотомная «История КПСС», не говоря о других учебниках и литературе уверенно отмечают, что признание Временного правительства состоялось между 3 и 7 марта 1917 года. Действительно, 3 марта во время встречи министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова с послами союзных держав (Франция, Великобритания, Италия) дуайен дипломатического корпуса в Петрограде М. Палеолог сообщил, что правительства союзных держав «сердечно приветствуют Временное правительство и выражают уверенность, что оно, вместе с союзниками, продолжит дело борьбы с общим врагом до победного конца». П. Н. Милюков в ответ открыто заявил о «желании Временного правительства получить более осязаемый факт признания – письменное подтверждение *de jure*». Ни 7 марта, ни в последующие дни письменного признания союзниками Временного правительства не последовало. В личных беседах послы намекали русскому министру, что Временное правительство должно официально подтвердить факт дальнейшего участия России в войне и обозначить цели, которых Россия намерена достичь в случае победоносного для союзников завершения военной кампании. Только после опубликования соответствующего манифеста Временного правительства союзные державы будут готовы признать новое русское правительство *de jure*.

Удивительно, но даже манифест Временного правительства от 28 марта не сдвинул дело о признании Временного правительства с мертвой точки. «Прописанного в Манифесте недостаточно», - указывал П. Н. Милюкову М. Палеолог. 12 апреля союзники получили желаемый документ. Им стала знаменитая «нота Милюкова». В ней подтверждалось участие России в войне, в качестве желаемого бонуса назывались черноморские проливы (вот откуда Милюков-Дарданельский) и далее по тексту. Однако П. Н. Милюков убедительно просил союзников не придавать данный документ

огласке. Он прекрасно понимал, какова будет реакция российской революционной общественности, армейской в первую очередь, на этот документ. Известно – шила в мешке не утаишь. 16 апреля ПТА распространила для российских средств массовой информации текст «ноты Милюкова». 18 апреля разразился «апрельский кризис». 20 апреля Временное правительство заявило об отставке министра иностранных дел. Керенский-Кавеньяк и здесь сыграл свою роль, о которой мало известно читающей публике.

19 апреля, встречаясь с М. Палеологом, А. Ф. Керенский клятвенно заверял, что не допустит «позорного голосования по личности П. Н. Милюкова... Он один из нас, он свято выполнял то, что судьбой ему было предначертано».

20 апреля А. Ф. Керенский открыто проголосовал за отставку Милюкова, поскольку «поступить иначе он не мог».

А что же с признанием Временного правительства *de jure*? 20 мая 2017 г. послание, скрепленное подписями руководителей союзных держав, о признании Временного правительства *de jure* министр вооружений Франции А. Тома торжественно вручит в присутствии А. Ф. Керенского новому молодому министру иностранных дел России Терещенко. Встретаться с П. Н. Милюковым А. Тома то ли не решился, то ли не захотел.